

В Федеральном арбитражном суде Уральского округа

Проблемы правоприменения в связи с реформированием гражданского законодательства

По материалам заседания круглого стола с участием В.В. Витрянского,
проведенного 7 февраля 2013 года¹

В связи с интенсивным реформированием гражданского законодательства в судах Уральского судебного округа возникли вопросы толкования и применения положений Федерального закона от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»². Данный Закон является только частью реформы гражданского законодательства, следовательно, в судебной практике могут возникнуть коллизии с нормами Гражданского кодекса Российской Федерации³, сохраняющими свое действие.

В заседании круглого стола, которое прошло в Арбитражном суде Свердловской области, приняли участие: **В.В. Витрянский**, заместитель Председателя ВАС РФ, профессор, доктор юридических наук; **Б.М. Гонгало**, директор Уральского филиала Российской школы частного права, зав. кафедрой гражданского права Уральской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор; судьи Федерального арбитражного суда Уральского округа и Арбитражного суда Свердловской области, а также преподаватели, аспиранты, магистранты Российской школы частного права и кафедры гражданского права Уральской государственной юридической академии. Со всеми арбитражными судами, входящими в Уральский судебный округ, была организована видеоконференц-связь.

Вопросы, заданные арбитражными судами Уральского судебного округа, были обсуждены судьями коллегии по спорам, возникающим из гражданских и иных правоотношений, Федерального арбитражного суда Уральского округа и систематизированы по трем блокам, объединенным общей проблематикой. Судьи, выступившие в качестве докладчиков, предложили свое видение их разрешения.

¹ *Материал подготовила М.Ю. Грабовская, советник заместителя председателя Федерального арбитражного суда Уральского округа.*

² *Далее — Федеральный закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ.*

³ *Далее — Гражданский кодекс.*

Первый блок вопросов посвящен проблемам применения ст. 10 Гражданского кодекса и норм института недействительности сделок.

Докладчиками по данным вопросам выступили судьи Федерального арбитражного суда Уральского округа А.Н. Крюков и Е.Г. Сирота.

Семнадцатым арбитражным апелляционным судом задан вопрос, связанный с изменениями, внесенными Федеральным законом от 30.12.2012 № 302-ФЗ в ст. 1 Гражданского кодекса, которые устанавливают обязанность участников гражданских правоотношений действовать добросовестно. Если ранее не было нормы прямого действия, обязывающей участников гражданских правоотношений действовать добросовестно, и суды выводили эту обязанность, исходя из системного толкования п. 2 ст. 6, п. 3 ст. 10 Гражданского кодекса, то на сегодняшний день соответствующая норма внесена в статью, посвященную основным началам гражданского законодательства. Вопрос заключался в том, возможно ли теперь применять данную норму непосредственно, то есть со ссылкой на нее устанавливать, возникли ли права и обязанности, подлежат ли они защите.

Согласно точке зрения, высказанной судьей Федерального арбитражного суда Уральского округа А.Н. Крюковым, установленная в новой норме обязанность относится к основным началам гражданского законодательства и непосредственно связана с теми изменениями, которые внесены в ст. 10 Гражданского кодекса. Поскольку норма о добросовестности включена именно в статью, определяющую основные начала гражданского законодательства, суд может выносить решения, непосредственно ссылаясь на п. 3 ст. 1 Гражданского кодекса. Кроме того, докладчик отметил, что при обсуждении проекта в отношении данных изменений возникали споры по вопросу о необходимости введения понятия «обход закона с противоправной целью», основные аргументы противников введения которого заключались в том, что такая норма еще более усиливает судебское усмотрение, поскольку критерии понятия «обход закона» не конкретизированы. Вопросы, заданные судами, также свидетельствуют об отсутствии единого толкования данного понятия и понимания того, что имел в виду законодатель, вводя его в качестве одной из форм злоупотребления правом.

В частности, вопрос, заданный Семнадцатым арбитражным апелляционным судом, касался соотношения требования о возмещении убытков, причиненных вследствие злоупотребления правом, с требованием о признании притворных сделок, совершенных в результате «действий в обход закона», недействительными. Судом задан вопрос о том, возможно ли одновременное предъявление данных требований, либо в случае предъявления требования о признании сделки недействительной возможно применение последствий исключительно в виде реституции, а требование о взыскании убытков не может быть предъявлено.

Вопрос Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда также был посвящен соотношению норм об «обходе закона» с нормами о притворных сделках. Судом задан вопрос о том, является ли квалификация сделки как «действия в обход закона с противоправной целью» самостоятельным основанием для признания ее ничтожной.

В своем выступлении **А.Н. Крюков** отметил, что сначала следует определить понятие «обход закона», и привел некоторые из имеющихся определений.

В частности, римский юрист Павел писал: «*Поступает против закона тот, кто совершает запрещенное законом; поступает в обход закона тот, кто, сохраняя слова закона, обходит его смысл*⁴».

В заключении Института международного частного права имени Макса Планка дано следующее определение: «Понятие «обход закона» описывает ситуацию, когда действия адресата нормы хотя и не совпадают с прямо запрещенными данным законом действиями, все же, однако, ведут к результату, на предотвращение которого данная норма направлена»⁵.

Подводя итог сказанному, **А.Н. Крюков** сделал вывод о том, что «обход закона» представляет собой совершение действий, приводящих к достижению результата, запрещенного законом или способом, не допускаемым законом. По мнению докладчика, не всегда действия в «обход закона» завершаются или включают в себя совершение сделки, поэтому смешивать понятия «притворная сделка» и действия в «обход закона» нельзя. Соответственно, если сделка притворная, применяется реституция. «Действия, совершенные в обход закона», могут включать в себя совершение сделки, но в этом случае сделка может быть признана недействительной именно по основанию злоупотребления правом в результате действий, совершенных в «обход закона».

При обсуждении поставленных вопросов **В.В. Витрянским** отмечено следующее. Принцип добросовестности всегда подразумевался, но имелись сомнения относительно необходимости выделения его в качестве отдельного принципа для частных правовых отношений, в которых стороны зачастую руководствуются выгодой.

В.В. Витрянский обратил также внимание на то, что данный принцип не включен в перечень п. 1 ст. 1 Гражданского кодекса, а выделен в отдельном пункте. Сформулированное в п. 3 ст. 1 данного Кодекса правило о том, что при осуществлении гражданских прав и исполнении обязанностей стороны должны действовать добросовестно, корреспондирует новой редакции ст. 10 Гражданского кодекса, в которой речь идет о «заведомо недобросовестном осуществлении гражданских прав».

По мнению **В.В. Витрянского**, новая редакция ст. 10 Гражданского кодекса принесет определенную пользу, поскольку те формы злоупотребления правом, которые существовали ранее (шикана, злоупотребление доминирующим положением и др.), допускают расширительное толкование. Судебная практика в настоящее время также сформировалась с учетом расширительного толкования. Статья 10 Гражданского кодекса применяется довольно часто и не только для отказа в защите права, но и при опровержении доводов, например ответчика. Теперь такой возможности не будет, поскольку появится термин хотя и абстрактный, но гораздо

⁴ *Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты в переводе и с примечаниями И. С. Перетерского. М., 1984. С. 33.*

⁵ *Заключение директора Института зарубежного и международного частного права им. Макса Планка профессора доктора Юргена Базедова и доктора Евгении Курцински-Сингер по предложению о внесении изменений в ст. 10 Гражданского кодекса (ГКРФ) (Гамбург, 02.02.2011) // <http://obhodu-zakona.net/>.*

более понятный для судебной практики, — это термин «заведомая», то есть умышленная, «недобросовестность действий». Поэтому понятие «злоупотребление правом» в новой редакции является более определенной категорией. Вместе с тем разрешать споры исходя исключительно из правил о добросовестности, ссылаясь только на данный принцип, нельзя. Решения со ссылкой на основные начала гражданского законодательства в практике встречаются довольно редко и в основном связаны с применением аналогии права, когда имеются пробелы в регулировании правоотношений. В этом случае можно исходить из принципов гражданского права. Когда суд констатирует «заведомую недобросовестность», возможно применение последствий в виде отказа в защите права, поскольку эти отношения квалифицируются как «злоупотребление правом».

По вопросу о соотношении норм об «обходе закона» с нормами о притворных сделках **В.В. Витрянский** согласился с тем, что это абсолютно разные категории. В то же время, если при рассмотрении конкретного спора имеется возможность квалификации отношений и как «притворной сделки», и как «действий в обход закона», для разрешения данного вопроса необходимо вспомнить историю.

В ст. 30 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. наряду со сделками, противными закону, особо выделялся такой вид недействительных сделок, как «сделки, совершенные в обход закона», то есть сделки, облеченные внешней видимостью законности при фактически противозаконном их содержании; а также «сделки, направленные к явному ущербу для государства».

В 1964 г. в Гражданском кодексе РСФСР «сделки, совершенные в обход закона», были исключены из состава «антизаконных» сделок. В первом комментарии к Гражданскому кодексу РСФСР 1964 г. О.С. Иоффе писал о том, почему изъяли из состава «антизаконных» сделок ссылку на «обход закона». Обращая внимание на это обстоятельство, О.С. Иоффе счел необходимым заметить, что отсюда не следует, что классификация противозаконных сделок, имевшаяся в Гражданском кодексе РСФСР 1922 г., утратила теоретическое значение и лишена практического смысла. «Напротив, проводимое в теории различие между сделками этих видов позволит и на практике не забывать о том, что противозаконны не только сделки, с очевидностью нарушающие закон, но и такие, незаконность которых тщательно замаскирована или заключается в явной ущербности для интересов государства и общества»⁶.

Таким образом, до сегодняшнего дня сделки, совершенные в «обход закона», приравнивались к незаконным сделкам, соответственно, применялась ст. 168 Гражданского кодекса. В практике примеров тому немало. Теперь действительно практика изменится, потому что «обход закона» будет рассматриваться как одна из форм злоупотребления правом. Следовательно, должно быть другое последствие, а именно отказ в защите нарушенного права на основании ст. 10 Гражданского кодекса. Между тем применительно к «обходу закона» как форме злоупотребления правом закон предусматривает, что последствия в виде отказа в защите права

⁶ *Витрянский В.В. Недействительность сделок в арбитражно-судебной практике // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: сб. памяти С.А. Хохлова / отв. ред. А.Л. Маковский; Исследовательский центр частного права. М., 1998. С. 131–153; Иоффе О.С., Толстой Ю.К. Новый Гражданский кодекс РСФСР / ЛГУ им. А.А. Жданова. Л., 1965. С. 61.*

применяются в том случае, если иные последствия соответствующих действий не предусмотрены законом. Это и будет принципиальным критерием для определения соотношения правил об «обходе закона» как злоупотребления правом и нормами ст. 170 Гражданского кодекса о притворных сделках. Иные последствия установлены законом для притворных сделок: сделка признается ничтожной, и применяется реституция. Поэтому если имеются основания для квалификации конкретных действий как «притворной сделки», применению подлежит ст. 170 Гражданского кодекса.

По вопросу о том, является ли квалификация сделки как «действие в обход закона с противоправной целью» самостоятельным основанием для признания ее ничтожной, **В.В. Витрянский** высказался отрицательно, заметив при этом, что такого состава для признания сделки недействительной не имеется, а квалификация любых действий как «действий в обход закона» должна рассматриваться в качестве формы злоупотребления правом с применением последствий в виде отказа в защите права.

Б.М. Гонгало указал, что в судебной практике имеется немало решений, в которых сделки признаны ничтожными на основании ст. 10 Гражданского кодекса.

В.В. Витрянский согласился, что ранее такая практика существовала, при этом заметил, что внесение изменений в ст. 10 Гражданского кодекса приведет к изменению данной практики.

В свою очередь **Б.М. Гонгало** высказал опасения по поводу введения принципа добросовестности, который, по его мнению, напротив, позволит судам отказывать в защите нарушенных прав со ссылкой на то, что субъект был недобросовестный, хотя юридически формально действовал правильно.

Кроме того, **Б.М. Гонгало** заметил, что имеется довольно большое количество споров, разрешенных в судах со ссылкой на ст. 1 Гражданского кодекса. В частности, до принятия постановления Пленума ВС РФ № 13, Пленума ВАС РФ № 14 от 08.10.1998 «О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами» суды отказывали в одновременном взыскании процентов и неустойки, ссылаясь на то, что это противоречит ст. 1 Гражданского кодекса — основным началам гражданского законодательства. С учетом сказанного **Б.М. Гонгало** поставил под сомнение отрицание такой возможности в будущем.

В.В. Витрянский пояснил, что отказывать в защите права суд будет только тогда, когда констатирует наличие злоупотребления правом. Применительно к недобросовестности подчеркнул, что она должна быть заведомой, то есть недобросовестное действие должно быть совершено умышленно. Если суд констатирует, что какая-либо сторона действует заведомо недобросовестно, то права ее не должны защищаться.

Р.С. Брюхов, доцент кафедры гражданского права Уральской государственной юридической академии, заметил, что с учетом позиций, изложенных в информационном письме Президиума ВАС РФ от 25.11.2008 № 127 «Обзор практики применения

арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации», в постановлении Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 57 «О некоторых процессуальных вопросах практики рассмотрения дел, связанных с неисполнением либо ненадлежащим исполнением договорных обязательств», ст. 10 Гражданского кодекса использовалась судами как самостоятельное основание для признания сделки недействительной и, как правило, при отсутствии иных оснований. К примеру, при рассмотрении косвенных исков, когда не имелось достаточных оснований для удовлетворения требований, но суд устанавливал, что одна из сторон злоупотребляет правом. В связи с этим возник вопрос о возможности при отсутствии иных оснований для признания сделки недействительной использования ст. 10 Гражданского кодекса вместе со ст. 168 названного Кодекса.

В.В. Витрянский обратил внимание на то, что изменения в ст. 10 Гражданского кодекса внесены именно во избежание такого расширительного толкования. Теперь в Гражданском кодексе установлен прямой запрет на признание сделки недействительной по инициативе суда. Суд может только квалифицировать действия как «заведомо недобросовестные» и в этом случае отказать в защите права.

Р.Б. Брюхов отметил, что в основном суды по причине недобросовестности действий отказывают в удовлетворении требований истца, и поинтересовался, как быть в случае, если имеют место недобросовестные действия со стороны ответчика.

В.В. Витрянский указал, что доводы ответчика также могут быть отклонены со ссылкой на ст. 10 Гражданского кодекса. Вместе с тем в судебной практике ни при каких условиях не должны складываться ситуации, когда недостаточно обоснованный иск удовлетворяется только потому, что со ссылкой на названную норму отклонены доводы ответчика. Должно быть четкое последствие констатации заведомой недобросовестности в виде отказа суда в защите права. Если же этими заведомо недобросовестными действиями причинены еще и убытки, нарушено субъективное право, то имеется возможность потребовать возмещения убытков, но при условии их доказанности.

Б.М. Гонгало, подводя итог дискуссии по данным вопросам, высказал мнение, что изменения в ст. 10 Гражданского кодекса обусловлены только лишь необходимостью изменения сложившейся судебной практики признания сделок недействительными по ст. 168 Гражданского кодекса через применение ст. 10 этого же Кодекса.

В.В. Витрянский отметил, что в самой концепции развития законодательства, когда обосновывались некоторые новеллы, прямо говорилось о необходимости корректирования с их помощью судебной практики. При этом однозначное утверждение о том, что необходимость изменения практики является единственной причиной изменения законодательства, представляется неверным. Понятие «заведомая недобросовестность» введено прежде всего с целью ограничения применения ст. 10 Гражданского кодекса.

Судья Федерального арбитражного суда Уральского округа **Е.Г. Сирота** сообщила о возникших в Федеральном арбитражном суде Уральского округа вопросах, связанных с применением норм о недействительности сделок, а также о недействительности договоров (ст. 431.1 Гражданского кодекса в редакции проекта).

Первый вопрос касался толкования положений проекта Гражданского кодекса. Докладчик уточнила, действительно ли в нем заложена идея презумпции оспоримости сделок.

Е.Г. Сирота обратила внимание участников круглого стола на то, что ранее в Кодексе содержалась презумпция ничтожности недействительных сделок, теперь же в ст. 168 проекта Гражданского кодекса установлена презумпция оспоримости сделок. Толкование правила, сформулированного в ст. 168 Проекта Гражданского кодекса позволяет прийти к следующему выводу: все сделки, нарушающие требования закона или иного правового акта, являются оспоримыми, кроме тех, которые названы в законе в качестве недействительных; нарушают публичные интересы и интересы третьих лиц, но при этом не указаны в законе в качестве оспоримых; а также если из закона не следует, что должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки. Такое положение, на взгляд докладчика, направлено на стабилизацию гражданского оборота, поскольку правовой режим оспоримых сделок содержит больше возможностей для сохранения уже заключенных договоров.

В.В. Витрянский пояснил, что в Гражданский кодекс в редакции проекта действительно введена презумпция оспоримости сделки, противоречащей закону, но при этом сделано два исключения. Во-первых, если сам закон в отношении лица, чьи требования нарушены, предусматривает в качестве последствия такого нарушения признание сделки недействительной и, во-вторых, в случае нарушения публичных интересов и интересов третьих лиц, если сделка противоречит закону. Никаких иных оснований для признания сделки ничтожной не имеется. Последствия признания недействительной ничтожной сделки теперь будут применяться только по требованию стороны.

Второй вопрос касался разграничения ст. 431.1 (недействительность договора) и ст. 166 (оспоримые и ничтожные сделки) Гражданского кодекса в редакции проекта, с учетом различного правового регулирования. **Е.Г. Сирота** считает, что различие в правовых режимах обусловлено ограничением инициативы суда в вопросах признания сделок и договоров недействительными, установлением пределов вмешательства суда в хозяйственную деятельность сторон сделки (договора), а также проявится в вопросах применения последствий недействительности ничтожных сделок.

Так, согласно п. 3, 4 ст. 166 проекта Гражданского кодекса требование о применении последствий недействительности ничтожной сделки вправе предъявить сторона сделки, а в предусмотренных законом случаях — также и иное лицо. Предъявление требования о признании недействительной ничтожной сделки независимо от применения последствий ее недействительности допускается, если лицо, предъявляющее такое требование, имеет охраняемый законом интерес в признании этой сделки недействительной. При этом суд по своей инициативе не имеет возможности применения последствий недействительности ничтожной сделки, кроме случаев, когда это необходимо для защиты публичных интересов, и в иных случаях, предусмотренных законом.

В то же время в п. 3 ст. 431.1 проекта Гражданского кодекса предусмотрен полный запрет на применение последствий недействительности ничтожного договора по инициативе суда. В указанной норме содержится положение, согласно которому

требование о признании договора ничтожным и (или) о применении последствий недействительности ничтожного договора может быть предъявлено любым заинтересованным лицом при условии представления им доказательств нарушения его прав и охраняемых законом интересов в результате заключения соответствующего договора. В связи с этим представляется, что указанный механизм ограничит вмешательство судов в правоотношения сторон.

В настоящее время существует довольно обширная судебная практика оценки договоров судами. В частности, принимая во внимание разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 57 «О некоторых вопросах практики рассмотрения дел, связанных с неисполнением либо ненадлежащим исполнением договорных обязательств», которые ориентируют суды на оценку договора на предмет заключенности и действительности, в мотивировочной части решений по искам о взыскании задолженности нередко суд по своей инициативе констатировал факт недействительности договора или его незаключенности.

С учетом сказанного докладчиком поставлен на обсуждение вопрос о том, какова в настоящее время логика законодателя в отношении инициативы суда в оценке действительности сделок и договоров.

В.В. Витрянский заметил, что вопрос о соотношении норм о недействительности договора, содержащихся в ст. 431.1 проекта Гражданского кодекса, и норм о недействительности сделок по отдельным составам состоит в том, что возможность перехода к квалификации договора по правилам о недействительности сделок появится только в том случае, если названная статья и другие статьи не подлежат применению. То есть новые нормы о недействительности сделок будут применяться субсидиарно, при этом инициативы суда в решении этого вопроса не будет.

Второй блок состоял из вопросов о применении положений о вещных правах и вопросов, связанных с государственной регистрацией сделок с недвижимостью.

Докладчик — *председатель судебного состава Федерального арбитражного суда Уральского округа Е.А. Платонова* озвучила вопросы судов Уральского судебного округа.

Вопрос *Арбитражного суда Оренбургской области* посвящен введению в проект Гражданского кодекса главы 20.1 «Право застройки», из положений которой следует, что договор на право застройки подлежит заключению на срок не менее 50 лет и не более 100 лет. Соответственно, возникает вопрос о том, какова оценка договора, если такой договор содержит срок застройки менее 50 лет.

На взгляд докладчика, в таком случае имеются основания для признания договора незаключенным, поскольку срок договора о праве застройки является существенным. Вместе с тем *Е.А. Платонова* отметила, что в комментариях к вопросу имелся анализ другого подхода, который заключался в квалификации такого договора по правилам п. 2 ст. 170 Гражданского кодекса.

В.В. Витрянский пояснил, что такое положение содержалось в разделе «Вещное право» Гражданского кодекса в редакции проекта, который принимался в первом чтении. После поправок, внесенных Комитетом Государственной Думы по гражд-

данскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству, в редакции проекта ко второму чтению в ст. 300.3 Гражданского кодекса появилось положение о том, что право застройки устанавливается *бессрочно* либо на срок не менее 30 и не более 100 лет. Следовательно, если срок в таком договоре не согласован, то право застройки устанавливается бессрочно.

В.В. Витрянский также обратил внимание на то, что в переходных положениях к Федеральному закону от 30.12.2012 № 302-ФЗ предлагается признать утратившими силу с 01.03.2013 нормы о регистрации договоров аренды как обременений. Эти положения были связаны с тем, что одновременно должен был вводиться раздел «Вещное право» Гражданского кодекса, в соответствии с положениям которого договор аренды лишается всех вещно-правовых элементов, в частности права следования. При таких условиях отсутствует необходимость государственной регистрации аренды в качестве обременения, поскольку новый покупатель избавляется от заключенного с прежним собственником договора аренды, и указанный договор может быть продлен исключительно с согласия нового собственника. Тем не менее получилось иначе.

Вместе с тем **В.В. Витрянский** заметил, что в законе о введении в действие раздела «Вещное право» появятся переходные положения, в которых будет предусмотрено, что если договор заключен до введения в действие соответствующего закона, регулирующего, например, положения договора аренды под строительство, когда арендатор участка ведет строительство для собственных нужд либо разрешение на строительство получено им до введения в действие закона, то он имеет право, оставаясь арендатором в рамках арендных отношений, достроить, зарегистрировать право собственности на построенный объект и получить право приватизации земельного участка в установленном порядке, если строительство велось на государственной (муниципальной) земле. Кроме того, в переходных положениях будет также предусмотрена возможность продления договора аренды под строительство для завершения строительства один раз на пять лет.

Ко второму чтению приняли решение о том, что с момента принятия закона о введении в действие раздела «Вещное право» все субъекты, которые обладали правом постоянного (бессрочного) пользования, правом пожизненного (наследуемого) владения, будут признаваться в силу закона субъектами права постоянного землеуладения (вещного права). По сути, речь в данном случае идет о таких понятиях, как эмфитевзис и суперфиций⁷.

Кроме того, **В.В. Витрянский** отметил, что договор об установлении права застройки является совершенно особой категорией договоров, которые не направлены на возникновение какого-либо обязательства.

⁷ Принадлежащие к числу «прав на чужие вещи» вещные, отчуждаемые, передаваемые по наследству права долгосрочного пользования чужой землей: сельскохозяйственной для ее обработки (*emphyteusis* — от греческого *emphyteuein* — насаждать), городской — для возведения на ней строения (*superficies*) (см.: Новицкий И.Б. Римское право. М., 1996. С. 110).

Наличие таких вещных договоров ранее обосновывали Г.Ф. Шершеневич⁸, О.С. Иоффе⁹, М.И. Брагинский. Названные договоры не могут быть классифицированы, как это было предложено О.А. Красавчиковым, по направленности результата того или иного обязательства, поскольку в данном случае вовсе нет обязательства, такие договоры направлены на установление вещного права. Науке еще предстоит изучать и определять эту категорию договоров.

В.В. Витрянский выразил уверенность, что в отношении порядка предоставления земельных участков на вещных правах, включая право застройки, подробные положения будут содержаться в Земельном кодексе Российской Федерации. На сегодняшний день во всех переходных положениях содержится указание на то, что до утверждения в Земельном кодексе Российской Федерации регулирования порядка предоставления этих прав будут применяться действующие правила, предусмотренные для установления вещных прав.

В продолжение затронутой темы **Е.А. Платонова** задала вопросы, возникшие в *Семнадцатом и Восемнадцатом арбитражных апелляционных судах*, а также в *Арбитражном суде Свердловской области*, относительно последствий прекращения с 01.03.2013 действия положений о регистрации договоров, содержащихся в ст. 609, 651, 658 Гражданского кодекса.

В.В. Витрянский уточнил, что возникшая ситуация связана с тем, что указанные нормы должны были вступить в силу после принятия раздела о «Вещном праве», и что данная проблема будет решена в ближайшем будущем путем принятия соответствующего закона¹⁰.

⁸ «В громадном большинстве случаев договор направлен к установлению обязательственного отношения, так что договор и обязательство чаще всего находятся в связи как причина и следствие. Однако область договора выходит за пределы обязательственных отношений, как, в свою очередь, и обязательства могут иметь в своем основании не договор, а другой юридический факт, правонарушение, неосновательное обогащение. Договор лежит в основании брака, которым создаются права личной власти, в основании передачи вещи, которой создается вещное право (вещный договор), — такой договор обязательственного отношения не создает» (Брагинский М.И., Витрянский В.В. *Договорное право: Общие положения*. М., 1998. С. 225 (автор главы — Брагинский М.И.); Шершеневич Г. Ф. *Курс гражданского права*. Т. II. С. 72).

⁹ Применительно к договору дарения О.С. Иоффе «обратил внимание на то, что если бы дарение было признано реальной сделкой, то речь пошла бы о весьма своеобразном договоре, который вообще не порождает никаких обязательственных правоотношений для его контрагентов. В самом деле, передача вещи означала бы совершение сделки, и потому никаких обязанностей для дарителя возникнуть не могло бы, а одаряемый также не является обязанным лицом «ввиду одностороннего договора дарения» (Брагинский М.И., Витрянский В.В. *Указ. соч.* С. 226 (автор главы — Брагинский М.И.); Иоффе О.С. *Советское гражданское право*. М., 1961. С. 126).

Как впоследствии доказывалось автором, подобный тупик образовался в связи с тем, что не была использована конструкция вещного договора. Все дело в том, что вещный договор в принципе не предполагает какого-либо обязательственного правоотношения. Его функция ограничивается тем, что речь идет именно о договоре — сделке. И как таковой он не укладывается в рамки, обычные для классификации договоров (см.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. *Указ. соч.* С. 226 (автор главы — Брагинский М.И.); Иоффе О.С. *Обязательственное право*. М., 1975. С. 396).

¹⁰ На момент публикации данный вопрос уже решен. Федеральным законом от 04.03.2013 № 21-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» разрешены некоторые вопросы, связанные с применением положений о государственной регистрации сделок. В частности, в ч. 8 ст. 2 Федерального закона от 30.12.2012 № 302-ФЗ исключено указание на ст. 609, 651, 658 Гражданского кодекса, в которых содержатся положения о регистрации договоров аренды.

Следующие вопросы касались применения п. 7 ст. 8.1 Гражданского кодекса в редакции Федерального закона от 30.12.2012 № 302-ФЗ, в соответствии с которым в отношении зарегистрированного права в государственный реестр может быть внесена в порядке, установленном законом, отметка о возражении лица, соответствующее право которого было зарегистрировано ранее.

Если в течение трех месяцев со дня внесения в государственный реестр отметки о возражении в отношении зарегистрированного права лицо, по заявлению которого она внесена, не оспорило зарегистрированное право в суде, отметка о возражении аннулируется. В этом случае повторное внесение отметки о возражении указанного лица не допускается.

Лицо, оспаривающее зарегистрированное право в суде, вправе требовать внесения в государственный реестр отметки о наличии судебного спора в отношении этого права.

В связи с введением данного положения *Восемнадцатым арбитражным апелляционным судом* задан вопрос о возможности удовлетворения иска правообладателя об убытках, возникших в связи с внесением соответствующей отметки о возражении, предъявленного лицу, внесшему отметку.

В.В. Витрянский пояснил, что в случае если такого рода действия были незаконными, то есть при отсутствии каких-либо оснований, по заявлению какого-либо лица внесена отметка, то требование о взыскании убытков может быть удовлетворено.

Вопрос *Арбитражного суда Свердловской области* связан с наличием у суда обязанности уведомления регистрирующего органа о рассмотрении дела об оспаривании права.

Относительно заданного вопроса *В.В. Витрянский* высказался отрицательно, уточнив, что обращение с таким заявлением является не обязанностью, а правом лица, чье право собственности ранее было зарегистрировано.

Третий блок вопросов был посвящен проблемам рассмотрения корпоративных споров, вопросам, связанным с регулированием деятельности крестьянского (фермерского) хозяйства, а также проблемам применения ст. 16.1 Гражданского кодекса в редакции проекта.

Судья Федерального арбитражного суда Уральского округа С.Н. Соловцов озвучил вопрос *Арбитражного суда Оренбургской области*. Вопрос связан с появлением в проекте Гражданского кодекса общих положений о корпоративных договорах (ст. 67.2). Проектом предусмотрено, что корпоративный договор не может определять структуру органов управления общества и их компетенцию, за исключением случаев, когда нормы Гражданского кодекса или законов о хозяйственных обществах допускают их изменение уставом общества. Соответственно, возникли вопросы о соотношении положений устава и корпоративного договора: каким из названных документов следует руководствоваться в ситуации, когда, с одной стороны, корпоративный договор будет регулировать определенный круг отношений одним образом, и в то же самое время в положениях устава будут содержаться

иные условия осуществления управления обществом? Какой способ защиты лица, которое полагает, что его права в данном случае нарушены, будет являться надлежащим?

В.В. Витрянский заметил, что в первом варианте проекта, принятого в первом чтении, в обобщенном виде была воспроизведена конструкция акционерного соглашения по Федеральному закону от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»¹¹, поскольку именно в данный закон в 2009 году была впервые введена эта конструкция. Однако в процессе согласования путем компромиссов в проект были включены положения об участии в таком договоре третьих лиц, участвующих на равных правах. При этом появились отдельные нормы о договоре, который может заключаться, с одной стороны, участниками, с другой — кредитором или инвестором, имеющими законный интерес в целях обеспечения своих прав. Участники, которые заключают с такими лицами договор, принимают на себя ограничения тех же прав, в том же порядке, в каком и по корпоративному договору. Например, в случае осуществления инвестором определенных вложений до момента их освоения ограничивается право участников на выход из общества.

На сегодняшний день в Законе об акционерных обществах содержится запрет на самостоятельное определение структуры и изменение законодательно закрепленной компетенции органов управления общества.

Между тем в последнем варианте законопроекта появилась ст. 66.3 о публичных и непубличных обществах, поскольку необходимо было ввести некий принцип диспозитивности в корпоративные отношения. Для непубличных хозяйственных обществ, которые не размещают свои акции, облигации на открытом рынке, уставом при единогласном решении всех участников может быть предусмотрено отступление от императивных норм законов о хозяйственных обществах. В частности, на единоличный исполнительный орган может быть возложена функция наблюдательного совета или коллегиального исполнительного органа, при наличии наблюдательного совета на него могут быть возложены все обязанности коллегиального исполнительного органа и т.д. Таким образом, принцип диспозитивности заключается в наличии вопросов, которые в уставе непубличных хозяйственных обществ могут быть решены иначе, чем предусмотрено законом о хозяйственных обществах.

В продолжение обозначенной темы **С.Н. Соловцов** сообщил о возникших у судов вопросах о способах защиты нарушенного права. В проекте Гражданского кодекса предполагается, что корпоративный договор носит конфиденциальный характер. Вместе с тем сделка может быть признана судом недействительной только по иску участника корпоративного договора и только при условии, что другая сторона сделки знала или должна была знать об ограничениях, предусмотренных договором. Возникает вопрос о том, кто и по каким основаниям вправе оспаривать такого рода сделки. И можно ли говорить о том, что, если другая сторона по сделке знала о наличии корпоративного договора, должно презюмироваться, что она знала и о содержании условий этого корпоративного договора?

¹¹ Далее — Закон об акционерных обществах.

В.В. Витрянский указал на то, что решение органов управления можно оспорить только в том случае, если в корпоративном договоре участвуют абсолютно все участники хозяйственного общества. Поскольку участвуют все до единого, а решение, противоречащее условиям корпоративного договора, принимается генеральным директором или советом директоров общества, вполне закономерно, если такое решение будет признано недействительным.

Относительно сделок предполагалось исключение возможности в обычном порядке признавать недействительными сделки, совершенные юридическим лицом. По иску одного из участников корпоративного договора по мотивам противоречия сделки условиям корпоративного договора ее можно признать недействительной только в том случае, если будет доказано, что другая сторона знала не просто о факте заключения корпоративного договора, а именно о том, что корпоративный договор содержит те условия, которым сделка противоречит. Корпоративный договор является конфиденциальным, но имеется несколько разных уровней конфиденциальности. Так, для публичных акционерных обществ должна представляться информация не только о факте заключения договора, но и о его содержании, и обо всем остальном в порядке, установленном законом об акционерных обществах. Такой порядок будет установлен. Для непубличных акционерных обществ конфиденциальной является информация о содержании, а о факте заключения участники корпоративного договора должны уведомить общество. Но для третьих лиц информация конфиденциальная по содержанию всегда. Следовательно, имеются в виду только случаи, когда заключаются сделки с аффилированными лицами. Только когда участники могут доказать, что данное лицо аффилированное, можно будет установить, что оно знало и о содержании конкретных условий корпоративного договора. Поскольку доказывать данные обстоятельства сложно, то по мотиву несоответствия условиям корпоративного договора сделки будут признаваться недействительными в редких случаях.

С.Н. Соловцов также сообщил о вопросах, заданных *Арбитражным судом Свердловской области*, которые связаны с появлением новой организационно-правовой формы юридического лица — крестьянское (фермерское) хозяйство. Первый вопрос обусловлен тем, что в отсутствие детального правового регулирования остались не регламентированы вопросы деятельности юридического лица — крестьянского (фермерского) хозяйства. Второй вопрос касался возможности преобразования ранее созданного крестьянского (фермерского) хозяйства, представляющего собой объединение граждан на основе соглашения о создании крестьянского (фермерского) хозяйства без образования юридического лица, в юридическое лицо — крестьянское (фермерское) хозяйство (ст. 86.1 Гражданского кодекса).

В рассуждениях относительно поставленного вопроса **В.В. Витрянский** обратился к его истории. При написании Гражданского кодекса в 1993 году и его обсуждении в 1994 году аграрная фракция выступила с идеей о необходимости введения во вводный закон переходных положений, которые позволяли бы крестьянским (фермерским) хозяйствам, изначально созданным как юридические лица по действовавшему тогда законодательству, сохранить статус юридического лица, несмотря на то что всеми законодательными актами предусматривалось, что имущество крестьянского (фермерского) хозяйства находится в общей совместной собственности членов крестьянского хозяйства (то есть отсутствует один из признаков юридического лица — наличие обособленного имущества).

В ходе сегодняшней реформы была предпринята вторая попытка исключить эти юридические лица. Между тем в ходе парламентских слушаний перед вторым чтением по предложению Ассоциации крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России, получившей повсеместную поддержку, в Гражданском кодексе для крестьянского (фермерского) хозяйства установлены не общая совместная, а общая долевая собственность на общее имущество. Кроме того, были включены нормы о возможности существования крестьянского (фермерского) хозяйства как юридического лица.

Таким образом, появилась ст. 86.1 Гражданского кодекса, в которой содержатся положения о том, что имущество крестьянского (фермерского) хозяйства принадлежит именно крестьянскому хозяйству как юридическому лицу, что крестьянское (фермерское) хозяйство — это корпорация, в которую участники входят со своими вкладами. По заданным вопросам представляется решение в пользу признания такого хозяйства вновь созданным юридическим лицом. Преобразование невозможно в данном случае потому, что нельзя преобразовать неюридическое лицо в юридическое лицо. Следовательно, не имеется оснований для правоприменения. В соответствии с указанной нормой крестьянские хозяйства создаются как юридические лица на базе обычных крестьянских хозяйств путем заключения соглашения всеми участниками и внесения вкладов. То есть можно констатировать, что это вновь созданное юридическое лицо с обособленным имуществом, являющееся собственником этого имущества. Поскольку на сегодняшний день участники крестьянского (фермерского) хозяйства являются сосособственниками на праве общей совместной собственности, они несут и продолжают нести солидарную ответственность по обязательствам уже созданного крестьянского хозяйства. Что касается вопроса об управлении таким юридическим лицом, представляется, что оно будет осуществляться аналогично ранее существовавшему порядку управления.

В заключение *С.Н. Соловцов* изложил вопрос, заданный *Арбитражным судом Оренбургской области*, который касался применения положений уже вступившей в действие ст. 16.1 Гражданского кодекса. Названная норма предусматривает возможность компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления. Вопрос заключался в том, какова правовая природа суммы, взыскиваемой по предъявленному требованию. Можно ли отнести ее к убыткам (ущербу) и соответственно применить нормы, регулирующие возмещение убытков, либо это самостоятельный вид компенсационных выплат? Возник также вопрос о круге доказательств, которые подлежат выяснению судами.

В.В. Витрянский указал на необходимость буквального толкования данной нормы, начинающейся со слов «в случаях, установленных законом...», и пояснил, что закон, в котором будет установлена обязанность компенсации государством потерь, возникших в результате правомерных действий государственных органов, установит и порядок, и основания для его применения. На сегодняшний день уже имеются такие примеры, в частности в случаях авиакатастроф частных компаний выплачивается компенсация семьям погибших и т.д. Таким образом, никакого расширительного толкования нормы быть не может. Кроме того, данная компенсация особая и не имеет никакого отношения к убыткам.